

УДК 82.09

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

**«ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ» А. Т. АВЕРЧЕНКО
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ XX ВЕКА:
К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**

В статье впервые воссоздаётся и анализируется политическая история сборника А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (1920; 1921). На основе редчайших источников (мемуарных свидетельств, данных прессы, архивов), многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор доказывает, что книга стала инструментом «мягкой силы» сначала в пропаганде идей Белого движения, затем в формировании положительного имиджа молодой Советской республики, а в годы перестройки — весомым аргументом в массовой переоценке советских догматов и мифов. Отдельное внимание уделяется идеологическому поединку автора сборника и В. И. Ленина, истории появления ленинской рецензии «Талантливая книжка» (1921), её роли в прижизненной славе Аверченко и его посмертной судьбе. Исследование приурочено к 100-летию первого издания сборника и 140-летнему юбилею А. Т. Аверченко.

Ключевые слова: А. Т. Аверченко, «Дюжина ножей в спину революции», В. И. Ленин, «Талантливая книжка», политтехнологии, «мягкая сила», пропаганда, «Сатирикон», «Новый Сатирикон», оттепель, перестройка.

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology science, Associate Professor,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**“DOZEN KNIVES IN THE BACK OF THE REVOLUTION” BY A. T. AVERCHENKO
IN CONTEXT OF THE POLITICAL TECHNOLOGIES OF THE XX CENTURY:
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FIRST EDITION**

Abstract. *The article for the first time recreates and analyzes the political history of the A. T. Averchenko’s digest “Dozen Knives in the Back of the Revolution” (1920;*

1921). *On the basis of rare sources (memoirs, press data, archives), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the author proves, that the book became an instrument of “soft power” first in promoting the ideas of the White movement, then in shaping a positive image of the young Soviet Republic and during the years of “perestroika” — became a weighty argument in the mass reassessment of Soviet dogmas and myths. Special attention is paid to the ideological duel between the author and V. I. Lenin, the history of the appearance of Lenin's review “The Talented Book” (1921), its role in the lifetime of Averchenko and his posthumous fate. The study is dedicated to the 100th anniversary of the first edition of the digest, 140th anniversary of A. T. Averchenko's birth.*

Key words: A. T. Averchenko, “Dozen Knives in the Back of the Revolution”, V. I. Lenin, “The Talented Book”, political technologies, “soft power”, propaganda, “Satirikon”, “Novy Satirikon”, “the thaw”, “perestroika”.

Для цитирования:

Миленко, В. Д. «Дюжина ножей в спину революции» А. Т. Аверченко в контексте политтехнологий XX века: к 100-летию первого издания // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 99–121.

Сто лет назад, в июне 1920 года, в Симферополе увидел свет сборник А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (далее «Дюжина...»). Этой книге суждено было сыграть значимую политическую роль в жизни страны и эмиграции первой волны. Она последовательно служила инструментом «мягкой силы»¹ в пропаганде идей Белого движения, затем — вопреки ожиданиям автора — в формировании положительного имиджа молодой Советской республики. В годы перестройки «Дюжина...» в общем контексте «возвращённой литературы» стала пусть не решающим, но весомым аргументом в массовой переоценке советских догматов и мифов. Броско-агитационное заглавие сборника и по сей день обыгрывается в полемических трудах различной проблематики².

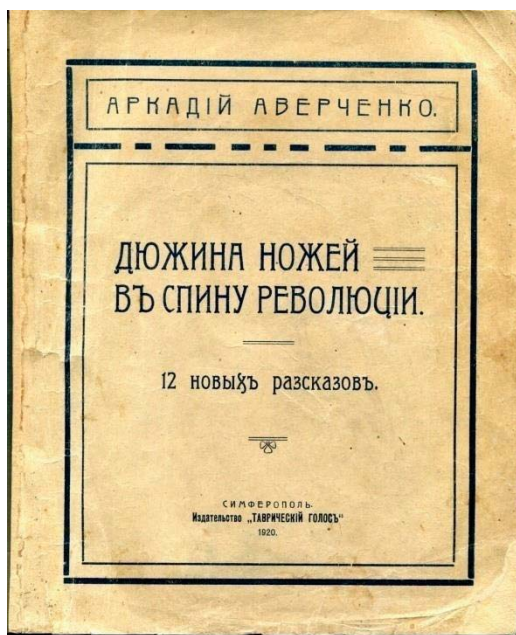
В творческой судьбе Аверченко значение «Дюжины...» огромно, так как на неё последовала рецензия В. И. Ленина «Талантливая книжка» (1921). Став

¹ «Мягкая сила» (англ. soft power) — форма, а также инструменты политической власти, предполагающие получение желаемых результатов путём убеждения, а не принуждения и агрессии («жёсткой силы»).

² См.: Собчак А. А. Дюжина ножей в спину: поучительная история о российских политических нравах. М.: Вагриус, 1999; Гуревич III. Дюжина ножей в спину крошки Цахеса. М.: Водолей Publishers – Томск, 2004; Ошевнев Ф. Чёртова дюжина ножей в спину российской милиции. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2008; Ошевнев Ф. Чёртова дюжина ножей + 2 в спину российской армии. Ростов н/Д: Альтаир, 2011 и др.

сенсацией ещё при жизни писателя, рецензия хотя и закрепила за ним репутацию «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца», но стала «охранной грамотой» для его издателей в СССР в 1920-х годах, а также во время оттепели, когда именно она позволила вернуть имя Аверченко из забвения.

Идеологический поединок Ленина и Аверченко по сей день определяет исследовательский и читательский интерес к «Дюжине...». Однако этот факт, не имеющий аналогов в истории отечественной (а, возможно, и мировой) литературы, до сих пор никем в должной мере не осмыслен и не объяснён. Политическая история книги, в отличие от её поэтики³, никогда не становилась предметом научного изучения. Мы впервые преследуем подобную цель, полагая, что её актуальность обусловлена не только 100-летием «Дюжины...», тесно связанным с аналогичным юбилеем Русского Исхода, но и 140-летием со дня рождения Аркадия Аверченко.

Обложка первого издания сборника.
Источник: архив М. Ю. Гоголина.

Первое, симферопольское издание сборника — библиографическая редкость. На сегодня известны лишь два экземпляра: в архиве самого Аверченко в РГАЛИ [4] и в собрании М. Ю. Гоголина⁴. Остальной тираж, вероятнее всего, погиб, — его не привезли в Константинополь после падения Белого Крыма⁵.

Книга была отпечатана в типографии газеты «Таврический голос»; оформлена строго: без иллюстраций, заставок, виньеток. Нам удалось найти этому объяснение, хотя Аверченко неохотно делился подробностями своей жизни «под белыми генералами». «Дюжину...» в июне 1920 года издал политотдел Штаба Первого армейского

³ См. диссертационные исследования Е. К. Гуровой [21], О. А. Кузьминой [26], А. В. Щербаковой [45] и др.

⁴ Составитель и автор комментариев к 13 и 14 томам Собрания сочинений А. Т. Аверченко московского издательства «Дмитрий Сечин» (2017–2019).

⁵ В отличие от сборника А. Т. Аверченко «Нечистая сила», вышедшего в Севастополе в сентябре 1920 года и продававшегося затем в Константинополе.

корпуса генерала А. П. Кутепова [43, с. 169–172]. Иными словами, издание профинансировала Русская Армия генерала П. Н. Врангеля, разумеется, решая свои конкретные политические задачи.

В то время шло наступление в Северной Таврии. Часть тиража, вероятно, предназначалась для пропаганды идей Белого движения как в самой Русской Армии, так и на отвоеванных у красных территориях. Подобные задачи исчерпывающе объясняют содержание «Дюжины...». Автор поэтизировал быт прежней «единой и неделимой» России («Фокус великого кино», «Усадьба и городская квартира»), сатирически рисовал большевиков («Поэма о голодном человеке», «Чёртово колесо», «Трава, примятая сапогом», «Новая русская сказка», «Короли у себя дома»), меньшевиков («Эсдеки»), эсеров («Осенний мелкий дождичек»), а также союзников, предавших Белое дело («Хлебушко», «Русский в Европах»). В «Чертах из жизни рабочего Пантелея Грымзина» Аверченко обращался к пролетариату, ничего, по его мнению, от революции не выигравшему, и т.д.

Пропагандистскими задачами берёмся объяснить и заглавие сборника, в котором обыгрывался митинговый штамп, что возник после Февраля 1917 года и, по словам писателя А. М. Ремизова, скреплял тогда, «как кнопка», все речи ораторов [37]. Замыленность фразы о «ножах в спину» и бессмысленность призыва к «спасению революции» — таков лейтмотив предисловия Аверченко к сборнику, а количество «ножей», вполне вероятно, стало пародийным перифразом названия поэмы А. А. Блока «Двенадцать» (1918).

О разящей силе «ножей» 1920 года судить трудно: память об этой книге была уже тогда уничтожена настолько основательно, что её не было в распоряжении даже советских спецслужб. Ленин, читая её парижское переиздание 1921 года, не знал о симферопольском.

Тем не менее три отзыва до нас дошли. Первый оставил глава крымских меньшевиков П. И. Новицкий, работавший во время Гражданской войны в симферопольском подполье: «...этот одесский журналист, издавший в Крыму новую пачку своих рассказов под названием „Сорок тысяч ножей в спину революции“, ...превратился из бойкого сатириконца в беззубого хихикающего паяца» [35, с. 57]. Здесь «ножи» Аверченко явно попали в цель. Новицкого мог задеть фельетон «Эсдеки» о том, что меньшевиков не жалуют ни большевики, ни добровольцы, и что членство в этой партии — «патент какой-то на ограниченность, деревянность, на полное отсутствие фантазии, взлета ввысь, дара Божьего» [4, с. 26]. Обратим внимание и на упрёк в том, что юмор Аверченко стал «беззубым». Социал-демократы уважали писателя за его «зубастую» гражданскую позицию после подавления Первой русской

революции и в дни Февраля, а потому сожалели, что после Октября он оказался по другую сторону баррикад (об этом ниже).

Второй отзыв принадлежит поэту И. И. Савину, участнику Белого движения. Он вспоминал: «...напряженные ночи и дни последнего похода в Таврии, необычайно рано наступившие холода, костры в поле — и в неверном свете костров крымская книга Аверченко „Двенадцать ножей в спину революции“, двенадцать мастерски написанных шаржей, двенадцать хлестких бичей...» [39, с. 3]. Отзыв Савина, во-первых, подтверждает нашу версию о

Реклама книги в севастопольской газете «Юг России» № 143 от 26 сентября (9 октября) 1920 года. Источник: архив автора.

целевой аудитории книги, во-вторых, говорит о том, что в военной среде её оценили высоко.

А вот «гражданский» артист А. Н. Вертинский, в январе – феврале 1920 года живший в Севастополе, запомнил иное: «Аркадий Аверченко точил свои „Ножи в спину революции“. „Ножи“ точились плохо. Было не смешно и даже как-

то неумно. Он читал их нам, но особого восторга они ни у кого не вызывали» [15]. Отзыв нуждается в комментарии. Прежде всего, когда вышла «Дюжина...»,

Вертинского уже не было в Крыму. Он слышал лишь отдельные фельетоны на вечерах юмора Аверченко в севастопольском театре «Ренессанс», с которым они оба были связаны. Но главное то, что мемуары артист писал в начале 1940-х годов с надеждой на возвращение в СССР. Никак иначе он не мог оценить «Дюжину...», к тому же Аверченко (с которым они на самом деле дружили) это не задевало: он к тому времени давно умер.

Однако же общее настроение в Севастополе Вертинский передал верно. Здесь было не до книг, к тому же все фельетоны из «Дюжины...» сначала печатались в местной газете «Юг» («Юг России»), в которой работал Аверченко. Севастопольцам незачем было покупать «Дюжину...». То ли автор это понимал, то ли нашлись другие причины, но в Севастополе она появилась в продаже лишь в конце сентября 1920 года. Событием не стала, рецензий не было. Да и Аркадий Аверченко к этому времени уже не питал иллюзий насчёт будущего Белого Крыма, собирался за границу и готовил там себе «плацдарм». Именно в сентябре 1920 года он передал «Дюжину...» для переиздания в Париж. Книга призвана была закрепить в сознании эмиграции его политическую позицию.

Для Европы Аверченко несколько скорректировал содержание. Он сделал иную последовательность фельетонов, а в двух случаях заменил политику бытом: «Эсдеков» — «Эволюцией русской книги», «Осенний мелкий дождичек» — «Осколками разбитого вдребезги». В «Эсдеках» меньшевики, повторяющие «Во имя Третьего Интернационала», сравнивались с китайцем, попавшим в плен к белым и утверждавшим, что он воевал «Са ладная Кубаня! (за родную Кубань)» [4, с. 26]. В «Осеннем мелком дождичке» высмеивалась Маруся Спиридонова (т. е. эсеры), которая со своей подпольной работой и террором станет невыносима, когда «кончится война, большевики будут уничтожены, жизнь войдет в колею, свободный народ вздохнет свободно, парламент издаст новые разумные законы» [4, с. 41].

Эти исключённые автором фельетоны были впервые переизданы нами только в 2015 году⁶. Полагаем, их замена объясняется не тем, что Аверченко не хотел ссориться с эмиграцией, учитывая её политическую пестроту. Скорее он убирал Гражданскую войну, уже в сентябре 1920 года зная, что она заканчивается и белые проиграют. Именно поэтому, намереваясь продолжать борьбу с основным противником — большевиками, писатель оставил все выпады в их адрес, включая скандальный фельетон «Короли у себя дома», рисующий Ленина и Троцкого бранящейся семейной парой. В результате получился как бы новый сборник, и у «Дюжины...» началась вторая жизнь.

22 сентября 1920 года парижская газета «Последние новости» проанонсировала выход книги [27, с. 294], и под новый 1921-й год она увидела свет. К этому времени уже пал Белый Крым, Аверченко жил в Константинополе и, возможно, не мог утвердить оформление. Поэтому его давний друг карикатурист М. С. Линский (Шлезингер) поместил на обложке на редкость несимпатичный шаржированный портрет автора, отбрасывающего зловещую тень, с кинжалами в руках.

Обложка второго издания книги
работы М. С. Линского.
Источник: архив автора.

⁶ См.: Аверченко А. Т. Собрание сочинений : в 14 т. Т. 11. Салат из булавок / Сост., подг. текста и коммент. В. Д. Миленко. М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. С. 164–166, 463–466.

Впрочем, вероятно и то, что таков и был замысел Аверченко с Линским, в коммерческих целях добивавшихся скандального эффекта. К одиозному названию добавилась одиозная обложка. Книгу заметили быстро.

Первым несуразность формы, да и содержания «Дюжины...» почувствовал И. М. Василевский (Не-Буква), многолетний петербургский коллега Аверченко и Линского, оказавшийся в Париже. Трудно сказать, что произошло между ними, только Не-Буква в «Последних новостях» поместил рецензию с критическим заглавием «Картонный меч». Отметив рассказ «Трава, примятая сапогом» и фельетон «Фокус великого кино» в качестве лучших, не одобряя кулинарных описаний в «Поэме о голодном человеке», Не-Буква советовал Аверченко не «делать политику» и резюмировал: «Картонным мечом большевизма не победить, а творчество и злость так же плохо совместимы, как гений и злодейство» [34, с. 3].

Вполне вероятно, что из-за этой рецензии сотрудничество Аверченко с «Последними новостями», начавшееся в сентябре 1920 года, прекратилось. А резкость тона Не-Буквы можно объяснить не только личными счётами, но и тем, что он начинал пересматривать своё отношение к советской власти (в 1922 году Не-Буква станет сотрудничать в просоветской газете «Накануне», а в 1923-ем вернётся в Россию).

Следующий отзыв последовал уже от адресатов «ножей» — из Москвы. В июне 1921 года в журнале «Красная новь» была опубликована статья Н. Л. Мещерякова «“Наши за границей”. I. Белогвардейский юмор», посвящённая «Дюжине...» и журналу «Бич» упомянутого выше Линского. Ветеран партийной печати, Мещеряков в то время возглавлял политотдел Госиздата, был членом редколлегии «Правды», по вопросам цензуры имел прямой выход на Ленина, поэтому его статью можно расценивать и как косвенную реакцию Кремля.

Подобно процитированному выше меньшевику Новицкому, Мещеряков скорее был удивлен позицией Аверченко: «Читатель, может быть, подумает, что Аверченко хочет обличать, „бичевать“ тех, кто вредит революции, втыкая нож в спину. Совсем нет. Аркадий Аверченко сам своей книжкой хочет всадить дюжину ножей в спину революции» [32, с. 275]. Не без горечи и грусти рецензент комментировал те же кулинарные фрагменты, что рассмешили Не-Букву, и образцы чёрного юмора: «Вот до какой мерзости, до какого юмора „висельника“ дошел теперь веселый балагур Аркадий Аверченко. А белогвардейщина читает эту мерзость, наслаждается ею, смакует» [32, с. 276].

Вряд ли Аверченко видел эту рецензию. Судя по материалам газеты «Presse du Soir» и журнала «Зарницы», его константинопольских трибун того

времени, ответа не было. Между тем писатель никогда не игнорировал выпады в свой адрес, да и для рекламы «Дюжины...» полемика с Мещеряковым пригодилась бы. Тем более что именно летом 1921 года Аверченко активно провоцировал большевиков. 3 июля, к трёхлетию запрещения своего «Нового Сатирикона», в фельетоне «Две власти (золотопогонники и рабоче-крестьянская)» он писал, что золотопогонники штрафовали и «жали», но не закрывали. А большевики, не вникая, «двинули сапогом по „Сатирикону“» [2, с. 6]. Через неделю, 10 июля, эта же тема была развёрнута в ныне широко известном «Приятельском письме Ленину от Аркадия Аверченко», где автор описывал и гибель «Нового Сатирикона», и свой путь в эмиграцию. Этот фельетон за неимением других данных долгое время воспринимался исследователями как документ, чего делать не следует. Иначе придётся поверить в то, что Аверченко лично знал Ленина по Швейцарии, как он утверждал.

Тон фельетона был нарочито грубым. Этого требовал и жанр — пародия на письма вождю от рабоче-крестьянских масс (пародийность задаёт уже обращение «Дорогой Владимир Ильич!»). Этого требовала и технология литературного скандала: Аверченко побуждал Ленина ответить, намеренно задевал, напоминая, что они — коллеги по журналистике. Невольно приходится предположить, что «Приятельское письмо...» было просчитанным ходом в рекламной кампании «Дюжины...».

Вместе с тем это был далеко не первый выпад Аверченко в адрес Ленина. Перу писателя принадлежит обширная сатирическая «лениниана», в значительной своей части переизданная нами только в 2010-х годах⁷. А в качестве первой «перчатки», брошенной «королём смеха» главе Совнаркома, можно расценить памфлет «Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует — Аркадий Аверченко» в одном из последних номеров «Нового Сатирикона» за 1918 год. Тогда писатель в числе прочего упрекал власть в отсутствии чувства юмора: «Мне очень интересно знать — как вообще живет Ленин: ... смеется ли? Я думаю, что не смеется. И ему самому скучно жить, и тем, кто около него, тоже скучно живется» [5, с. 3]. К тезису «Ленин не смеётся» Аверченко не раз возвращался и позднее, а в «Приятельском письме...» намекал на то, что Ленин побоялся быть осмеянным, поэтому закрыл «Новый Сатирикон», а редактора «гонял... по всей России, как соленого зайца» [7, с. 4].

⁷ См.: Аверченко Аркадий. Русское лихолетье глазами «короля смеха» / Сост., подг. текстов и коммент. А. Е. Хлебиной, В. Д. Миленко. М.: Посев, 2011; Аверченко А. Т. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 11: Салат из булавок / Сост., подгот. текстов и коммент. В. Д. Миленко. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015.

Здесь уместно сказать несколько слов об отношении большевиков и самого Ленина к Аверченко. Об этом позволяют судить некоторые эпизоды. Так, бывший издатель журнала «Сатирикон» М. Г. Корнфельд, встречавшийся в 1918 году с председателем Петроградской ЧК М. С. Урицким, вспоминал: «...Урицкий сказал мне, что рад со мной познакомиться, и что столько-то лет тому назад (т. е. в эмиграции. – В. М.) для него, для Ленина и еще некоторых его друзей получение „Сатирикона“ было настоящим праздником» [38]. Столь же любезен Урицкий был и с А. С. Буховым, соредактором Аверченко по «Новому Сатирикону», с которым беседовал после закрытия журнала и сожалел, что такие мастера сатиры и юмора ушли в оппозицию [14, с. 2]. Или другой пример: художник и пайщик «Нового Сатирикона» А. А. Радаков после закрытия журнала нарисовал шарж на членов Совнаркома, который попал в Кремль. Вскоре Радакову передали записку от Ленина: «Прошу экс-сатириконца Радакова почаще присылать такие карикатуры» [19, с. 48]. Наконец, забежим вперед: 14 марта 1925 года, достаточно оперативно, «Правда» поместит некролог памяти Аверченко [41, с. 6].

Все эти детали в некоторой степени объясняют долготерпение большевиков, запретивших «Новый Сатирикон» гораздо позже других «буржуазных изданий». Слишком непопулярная мера — революционной власти не хотелось расписываться в своей слабости. Бухов вспоминал, как в начале июля 1918 года они с Аверченко недоумевали, почему до сих пор работают, и Аверченко предполагал: «Может быть, просто забыли о нас...» [14, с. 2]. Однако вскоре в редакцию явился вооружённый отряд и объявил, что журнал закрывается, ведь пролетариату никакого юмора не нужно.

Одним словом, рецензия Ленина на «Дюжину...», к которой и переходим, стала вехой в давнем конфликте советской власти и сатириконцев. А уровень и статус лица, публично высказавшегося по этому поводу, требовал адекватного уровня противника, поэтому удар пришёлся именно по Аверченко, ведущему сатирику эпохи. Что же касается предыстории конфликта, то она позволяет понять, почему Ленин выбрал для ответа жанр фельетона. Он доказал, что умеет посмеяться.

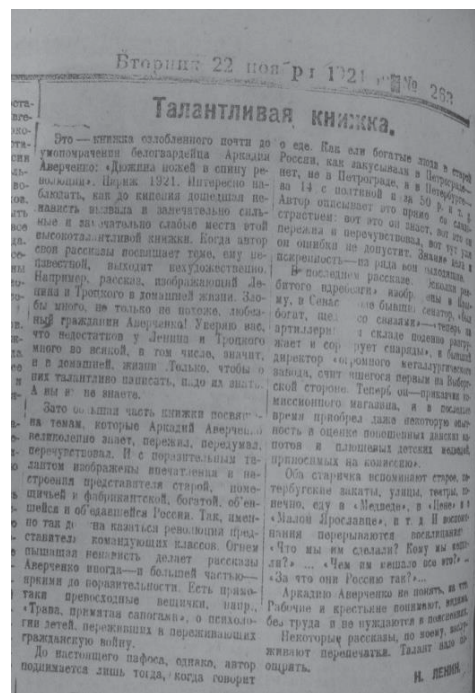
Недавно в этой предыстории обнаружился новый уникальный эпизод. В оттепельном 1962 году в «Огоньке» был напечатан мемуарный очерк С. С. Виноградской, в 1921 году помощницы М. И. Ульяновой, секретаря «Правды». Виноградская вспоминала, что редакция в те годы вполне официально выписывала эмигрантские издания и однажды получила из Парижа «Дюжину...»: «В кровавой рамке господин в пенсне, с кинжалами в руках» [16, с. 7]. Далее мемуаристка сообщала, что Ленин прочитал эту книгу,

сделал выписки, при этом у него «весело искрился глаз» и в нём «взыграла... старая журналистская жилка!» (это, скорее всего, со слов М. И. Ульяновой). Наконец Виноградская в детективных тонах поведала, как в предсмертный час Ильич вдруг появился в редакции с чёрного хода, с низко опущенным козырьком, вызвав всеобщее изумление. Он вынул из-за пазухи рукопись: «Вот, написал для „Правды“. <...>. Пусть печатают <...> Если подойдёт» [16, с. 8]. И тут же исчез.

Рукописью оказался фельетон «Талантливая книжка» — рецензия на «Дюжину...». 22 ноября 1921 года, в день его публикации в «Правде», в секретариате побывали все штатные фельетонисты: и Демьян Бедный, и Михаил Кольцов. Хвалили сатирический дар Ленина, и Мария Ильинична «жадно слушала каждого, но при этом поджимала губы, стараясь казаться безразличной» [16, с. 8]. Гудели и в «Известиях», этажом ниже. А один не называемый фельетонист заявил, что Ленин «умеет похлестче, когда захочет» и оценил его фельетон на тройку с плюсом. Мария Ильинична была оскорблена, зато её брат смеялся: «...я забыл, когда в последний раз этим забавлялся. <...>. Только жаль, иначе нужно было назвать. Ну, там „Чертова дюжина...“. А тройка с плюсом — это отлично!» [16, с. 8].

Конечно, очерк Виноградской не документ, каковым может считаться только автограф «Талантливой книжки», если когда-нибудь будет обнаружен. Однако приведённое свидетельство — бесценно. Во-первых, оно подтверждает личное участие Ленина в конфликте с Аверченко (ранее мы предполагали, что рецензию мог для него подготовить кто-то из помощников) [33, с. 234]. Во-вторых, убеждает в том, что это был исключительный случай — настолько важный, что Ленин сам пришёл в редакцию, а не передал рукопись, к примеру, с той же М. И. Ульяновой. В-третьих, где-то в подтексте читается, что Ленин робел и ждал реакции — конечно, не советских фельетонистов, а самого Аверченко.

Помимо этого, расширить рассказ Виноградской позволяют воспоминания жены А. А. Радакова: дескать, редактор какого-то советского сатирического журнала, старый партиец (фамилию она чётко не помнила,

Скрин рецензии В. И. Ленина «Талантливая книжка» в газете «Правда».

Источник: архив автора.

называла Ерёмным) передал мужу слова Ленина: читал «Дюжину...», пускай Аверченко возвращается, напишите ему! Радаков написал, а в полученном от Аверченко ответе увидел: «Не заманите» [18, с. 34]. Скорее всего, речь идёт о «правдисте», редакторе «Рабочей газеты» и первом редакторе «Крокодила» К. С. Еремееве.

Кстати, именно статья Еремеева «Партия и периодическая печать» помещалась в «Правде» под ленинской «Талантливой книжкой». Со временем рецензия оказалась вырвана из контекста содержания номера газеты, в котором появилась. А в нём освещалась работа II Всероссийского съезда Пролеткульта, где обсуждались проблемы советской и партийной печати. Таким образом, ленинская статья помимо внешнеполитических задач (о которых ниже) решала и внутренние: формировала демократический имидж власти на фоне дискуссий о нужности Пролеткульта.

Однако же основные задачи «Талантливой книжки» лежали в области внешнеполитической, и время публикации — ноябрь 1921 года — вряд ли было выбрано произвольно. Именно тогда Советская республика отметила своё 4-летие и год с момента окончания Гражданской войны на юге России. В ознаменование обеих дат 3 ноября 1921 года ВЦИК издал декрет № 611 «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях». Этот документ демонстрировал переход от «жёсткой» к «мягкой силе», а по сути, расшатывал и разлагал Русскую Армию, самую опасную часть эмиграции.

Что же касается политики в отношении бежавшей из страны интеллигенции, то именно в «сменовеховском» 1921 году советской властью в этом направлении предпринимались решительные шаги к примирению и убеждению. Большую роль в этом играла просоветская пресса, например, гельсингфоргская газета «Путь», вызывавшая негодование того же Аверченко. Он публично порицал печатавшегося в ней бывшего редактора журнала «Современный мир» меньшевика Н. И. Иорданского, так быстро изменившего своим убеждениям. Второй мишенью Аверченко был П. Н. Милюков, в то время редактор «Последних новостей», печатавших провокационные статьи о Врангеле и Русской Армии. Писатель (да и многие другие) считал, что Милюков заодно с Советами, а когда в сентябре 1921 года прочитал в «Пути» похвалы в адрес Милюкова, заметил: «...если бы похвалили такие люди меня — пошел бы и повесился» [31, с. 26].

На таком-то напряжённом политическом фоне Аверченко и получил ответное «приятельское письмо» от Ленина. Если проанализировать «Талантливую книжку» именно в этом ключе, то становится понятным, почему она подписана журналистским псевдонимом «Н. Ленин». Можно

объяснить и то, почему в первом же абзаце безличное «автор» преобразуется в прямое обращение к Аверченко: «Злобы много, но только непохоже, *любезный гражданин Аверченко!* Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А *вы* их не знаете (курсив наш. — В. М.)» [30, с. 2]. Напомним, что речь идёт о фельетоне «Короли у себя дома».

«Коммунистический привет» из Кремля поставил Аверченко в щекотливое положение, тем более что в Константинополе многие процессы ощущались особенно болезненно. Как раз в конце ноября здесь гневно обсуждалось возвращение в Россию «героя Перекопа» генерала Я. А. Слащёва. Был и другой скользкий для писателя момент — личный. В том же ноябре у него вышла книга «Записки Простодушного», и некоторые эмигранты были настолько ею обижены, что даже пытались вызвать автора на дуэль. Читатели не оценили юмора в сюжетах о выживании на берегах Босфора. «Талантливая книжка» и здесь была, мягко говоря, некстати.

Аверченко достаточно быстро узнал об ответе Ленина. Вероятнее всего, из «Последних новостей», что 6 декабря 1921 года поместили заметку «Ленин и... Аверченко» с кратким пересказом рецензии [28, с. 2]. В этой публикации был провокационный оттенок: с редактором газеты Милюковым, как уже было сказано, Аверченко вёл достаточно резкую полемику, и тот не упустил возможности взаимно его поддеть.

Первая реакция писателя, скорее всего, была чисто рефлекторной — дать сдачи. Покровительственно-иронический тон ленинской статьи и её финал — «Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают, перепечатки. Талант надо поощрять» — не могли его не задеть, тем более что он, подобно многим эмигрантам, негодовал оттого, что советское правительство при переизданиях не выплачивало гонораров. И вот 12 декабря 1921 года в «*Presse du Soir*» появилась анонимная заметка «Ленин... об Аркадии Аверченко», тон которой был пренебрежительно-саркастическим. Автор в числе прочего предположил, что внимание «красного диктатора» могло привлечь «меткое и остроумное название» книги и что «то, что касается „особы“ самого Ленина (т. е. «Короли у себя дома». — В. М.), разумеется, перепечатке не подлежит» [29, с. 2]. Вероятнее всего, заметку написал сам Аверченко (на это намекали и его недоброжелатели).

Однако же легкомысленное настроение быстро рассеялось. Писатель понял, какую грандиозную провокацию устроили большевики, и начал защищаться. 14 декабря 1921 года в той же «*Presse du Soir*» последовала его официальная реакция — фельетон «*Pro domo sua*» («В свою защиту»). Здесь

был иной тон, указывающий на то, что автор многое передумал и взвесил. Поначалу он пытался привычно балагурить:

«Сам Ленин вдруг меня заметил
И, в гроб сходя, благословил» [8, с. 3].

Дескать, Аверченко гордится тем, что отнял у Ленина «часа полтора своей особой, значит, одним декретом меньше, значит, десятью не расстрелянными больше», но сарказм быстро сменила растерянность:

«...Я серьезно обеспокоен: что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начнет меня хвалить?»

Действительно, что-то подозрительное. Человек хлещет в своей книге большевиков, что называется, и в хвост и в гриву, а самый главный вдруг пишет, что „некоторые рассказы нуждаются в перепечатке“.

Ох, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов... Хвалит, хвалит, а потом вдруг какой-нибудь Иорданский и хлопнет в „Пути“: „Советский представитель Аркадий Аверченко пишет нам из Константинополя“... Ой, товарищи, не погубите! Ведь тут не скоро отмоешься... <...> Раз я „озлобленный белогвардеец“ — как же можно говорить, что мои рассказы „заслуживают перепечатки. Таланты нужно поощрять“?

А ну — поверь я вдруг, да сдуру вернусь в Советскую Россию?

Энти поощрят. Так поощрят, что буду я, издырявленный, сквозить, как ажурный чулок» [8, с. 3].

Последняя фраза отнюдь не поза. Эмиграция жила известием о недавнем расстреле Н. С. Гумилёва.

«Талантливая книжка», подтекст которой Аверченко понял отлично, заставила его крепко задуматься о будущем и принять для себя очень трудное решение. Как ни тосковал он по России и Петрограду, Ленину не поверил. «Ни во дворец тогда (при Николае II. — В. М.), ни тем более в Кремль теперь я не поеду», — сказал он коллегам по «*Presse du Soir*» [27, с. 95].

Рецензия Ленина не смогла примирить писателя с советской властью. Эта цель достигнута не была. В остальном же она стала достаточно ощутимым «ножом в спину» бежавшему из России «королю смеха». Ленин его во многом обезоружил, дав понять: мы вас не боимся настолько, что даже не держим зла, просто смеёмся над вами. А ещё у нас такая свобода слова, что мы ваши «ножи» перепечатаем. «Талантливой книжкой» решалась и сверхзадача: издёвка над главой сатириконецев автоматически задевала всех его бывших подчинённых, оказавшихся в эмиграции и писавших для фельетонных «подвалов» белой прессы. Это было и предупреждение другим крупным

писателям эмиграции: будьте осторожнее, а то получите такую же рецензию, и т. д.

И в то же время никто и никогда более не удостоился подобной рецензии. Современники Ленина и Аверченко, а затем деятели партийной печати и советские писатели последующих эпох осознавали уникальность этого факта и с трудом могли его объяснить. Почему именно Аверченко? Почему не кто-то из «знаньевцев», связанных с Лениным событиями Первой русской революции? Не Куприн, не Максим Горький, только что покинувший страну? Вряд ли мы когда-нибудь приблизимся к разгадке, но вывод о личных причинах напрашивается невольно.

Что же касается Аверченко, то его сложно было удивить вниманием первых лиц. Заслужив поклонника в лице самого императора, чем в 1921 году он уже открыто гордился, вряд ли он был польщён отзывом Ленина. Скорее использовал его в рекламных целях. В этом убеждает анонимное пародийное эссе «Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе» (1923), автор которого представлял, что сказали бы царящему на берегах Босфора Аверченко русские классики. Обвинительный акт произносил И. А. Гончаров:

«А в е р ч е н к о (с апломбом). — <...> Конечно, вы немного завидуєте моей славе, а между тем даже враги отдают мне должное: сам Ленин меня читает и находит, что я замечательно талантливый писатель. Я даже об этом сам в газете напечатал.

Г о н ч а р о в. Ну, Ленин как литературный критик с нашей точки зрения оставляет желать многого... У него слишком много своих обязанностей: бывает, что и ошибается... Эрраре гуманум ест» [13, с. 35].

Может быть, недоброжелатели писателя и считали, что Ленин ошибся, а вот для его издателей «Талантливая книжка» стала подарком. Теперь уже трудно сказать, на сколько она подняла продажи «Дюжины...» в Европе (а подняла несомненно). В СССР же она стала «индальгенцией» и «охранной грамотой» для автора: в годы нэпа его начали массово издавать, неизменно подстраховываясь ссылкой на Ленина. Именно так поступил, например, А. Н. Слепков в предисловии к сборнику «Осколки разбитого вдребезги» (1926), где были перепечатаны шесть фельетонов из «Дюжины...» [40, с. 5]. Не всех эта перестраховка, впрочем, успокоила. Например, Б. А. Губер в рецензии на эту «никчёмную», по его словам, книжку утверждал, что и рецензия Ленина её не спасёт: «домашняя эмиграция», конечно, прижмёт к сердцу, а вот «наш читатель вряд ли понесет эту книжку домой», скорее по прочтении забудет её «где-нибудь на столике Нарпита, рядом с грязной посудой» (курсив автора. – В. М.) [20, с. 267].

«Талантливая книжка» не поставила точки в конфликте Ленина с Аверченко — его прекратит только скорая смерть обоих. Из очевидных результатов назовём лишь то, что писатель никогда не переиздавал раскритикованных Лениным «Королей у себя дома», да и других фельетонов своей «ленинианы». Этот момент в 1924 году в статье памяти Ленина отметил Михаил Кольцов:

«...Аверченко, превратившийся напоследок жизни в яростного белогвардейца, попробовал в сборнике „Дюжина ножей в спину революции“ описать Ленина ... гиперболическим разбойником. Получилось очень смешно, но совсем не в том смысле, в каком рассчитывал развеселить читателя автор. Хохотал больше всех, читая о себе, сам Ильич. Он даже иронически расхваливал в „Правде“ книгу Аверченко.

Что было смешно? Оказался глуп и смешон сам юморист, попавший со своим описанием пальцем в небо. И любопытная штука. Мы проверили ее, порывшись в эмигрантских книгах. После заметки в „Правде“ Аверченко, переиздавая свой сборник рассказов, стыдливо выбросил рассказ о Ленине, заменил в дюжине этот неудачный свой „нож“ другим, впрочем, не более острым.

Казалось бы, интересы рекламы заставляли белогвардейского писателя повторить свой рассказ, замеченный самим Лениным. А все-таки — на громадном расстоянии, через границы и фронт — Аверченко стало не по себе» [24].

Пока неясно, какую эмигрантскую книгу имеет в виду Кольцов. По нашим данным, Аверченко впервые переиздал «Дюжину...» только в 1925 году (об этом ниже). Что же касается интересов рекламы, то писатель их продолжал соблюдать, оказавшись в Европе. Весной 1922 года он рассказал о своём конфликте с Лениным, к примеру, хорватам:

«Ленин пытался со мной помириться: написал в „Правде“ статью обо мне, где похвалил мою „Дюжину ножей в спину революции“, книгу, в которой я ясно выразил своё мнение и о нём, и о его революции.

– Не приставай со своей добротой, голубчик. Ты, брат, сумасшедший, а я — честный человек.

Он надулся, как жаба, и молчит» (перевод с хорватского наш. – В. М.) [6, с. 8].

Зимой 1923 года в Каунасе, в шуточном интервью бывшему коллеге Бухову, оба снова вспомнили об этой истории:

«– Я читал, что сам Ленин в „Правде“ очень похвалил вашу книгу „Десять ножей в спину революции“?»

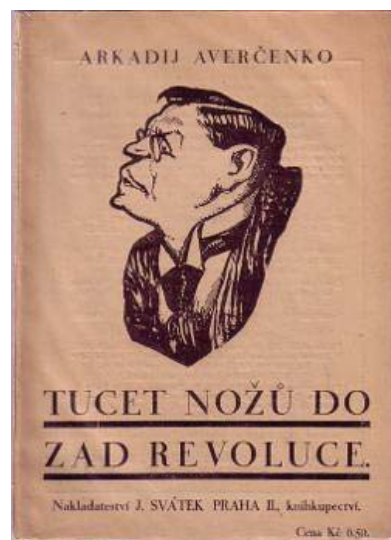
– Очень похвалил. Я, прочитав его статью, сразу же организовал „Общество защиты писателей от ласкового обращения“» [1, с. 2].

Осенью 1924 года это интервью в дополненном виде перепечатала в переводе на чешский газета «Národní Listy» [48, с. 1]. В то время Аверченко особенно нуждался в рекламе — в Чехословакии продавалось его первое собрание сочинений.

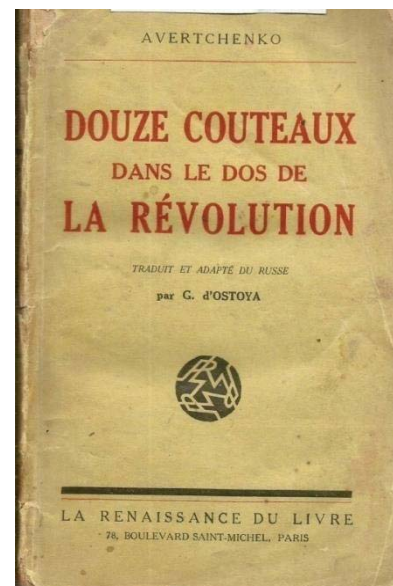
Факты убеждают в том, что на переиздания «Дюжины...» писатель решился только после смерти Ленина. Впрочем, о переиздании можно говорить условно: речь шла о переводах, о совершенно иной структуре, неизменным оставалось только название. В начале 1925 года Аверченко подготовил два таких сборника: в переводе на чешский и на французский языки. Первый вышел в Праге в конце мая 1925 года, уже после смерти автора. Второй в 1928 году увидел свет в Париже. Мы не станем сосредоточиваться на их содержании, отметим лишь, что Аверченко отводил им какую-то роль в формировании теперь уже европейской своей репутации.

Ко времени издания французского перевода в СССР вышли последние книги Аверченко — и установилось молчание. В 1932 году РАППовцы ещё вспоминали писателя опять же в связи с ленинской «Талантливой книжкой» [11, с. 1], а в 1935 году К. И. Чуковский, удивляясь былому бесстрашию власти, восклицал в дневнике: «Ведь потребовал же Ленин, чтобы мы печатали Аркадия Аверченко „7 ножей в спину революции“. Ведь печатали же мы Савинкова, Шульгина, генерала Краснова» [44, с. 559]. Отныне о такой свободе слова и помыслить было сложно, а уточнить название книги Чуковскому было негде. «Дюжину...» давно и надёжно скрывал спецхран «Ленинки» (именно с неё началась его история)⁸.

Вплоть до начала 1950-х годов из библиотек изымались все книги Аверченко, вышедшие после 1917 года. Но рукописи не горят.

Обложка пражской
«Дюжины...», 1925 г.
Источник: архив автора.

Обложка парижской
«Дюжины...», 1928 г.
Источник: архив автора.

⁸ Сборник (парижское издание 1921 года) числится в инвентарной книге бывшего спецхрана под № 1 [47].

Ленинская «охранная грамота» вновь была извлечена на свет на излёте оттепели, а вслед за ней вернулся и забытый автор. Очерк С. С. Виноградской, который мы цитировали выше, подготавливал это возвращение⁹. Широкой аудитории («Огонёк» в 1962 году выходил тиражом в 1 850 000 экземпляров) впервые рассказали о том, что был такой писатель Аверченко, что Ленин не просто его знал, но и — уникальный случай! — лично ответил ему. Прочитав почти полностью «Талантливую книжку», Виноградская невольно вернула и название «Дюжины...».

Это название теперь встречалось в работах советских учёных: А. Г. Дементьева «В. И. Ленин и советская журналистика» [23], Ю. Н. Давыдова «Надо мечтать!» [22], в рецензии В. В. Афанасьева на книгу Л. А. Евстигнеевой «Журнал „Сатирикон“ и поэты-сатириконицы» (1968) [10]. О прозорливости Ленина, развернувшего оружие смеха против самого Аверченко, размышлял выдающийся теоретик комического Ю. Б. Борев [12]. Наконец, В. Воробьёв пришёл к осмыслению этой темы в работе «Рецензия В. И. Ленина „Талантливая книжка“ и её истолкования» [17].

Об официальном возвращении самой книги говорить не приходилось, а тем временем она распространялась в самиздате. Нынешний владелец симферопольской «Дюжины...» москвич М. Ю. Гоголин вспоминает, что около 1980 года появилась возможность приобретать ксерокопии эмигрантских изданий. Сначала они ходили на отдельных листах, ближе к перестройке уже в сброшюрованном или даже переплетённом виде (за особую плату). Так Гоголин впервые познакомился с «Дюжиной...», а копию эту не сохранил, после легальных переизданий стала не нужна [46]. Вполне возможно, что распространялись ксерокопии репринта, выпущенного в 1975 году (вероятнее всего, к 50-летию смерти автора) в Иерусалиме [3].

На переиздание «Дюжины...» отважились только в годы перестройки — далеко не сразу, этот шаг подготавливался. Так, в 1987 году в популярном журнале «Знание — сила» была напечатана статья крупного историка-музеолога А. М. Разгона «Уроки гласности». Автор рассказывал о том, как политика гласности помогала Советской власти в борьбе с внутренними и внешними врагами, напоминал о «Талантливой книжке» и резюмировал, что в те годы «доверие к народу было оправданно, что оно вызывало ответное доверие» [36, с. 12]. В 1988 году был открыт спецхран «Ленинки», и через год со страниц «Юности» (№ 8) «Дюжина...» официально вернулась к советскому читателю. Возвращали её с осторожностью: «Королей у себя дома» вырезали,

⁹ Подготовка возвращения имени А. Т. Аверченко закончилась 21 декабря 1962 года, когда «Правда» напечатала его фельетон «Крыса на подносе» (1912).

в качестве предисловия поставили всю ту же «Талантливую книжку», а в послесловии П. Акимов размышлял: «...если революция не боялась „ножей“ Аверченко в 1921 году, есть ли у нее основания опасаться их в 1989?» [9, с. 87].

Ту же мысль о мнимой опасности высказывали «Вопросы литературы», публикуя вслед за «Юностью» малоизвестные фельетоны Аверченко: «...рассказы из сборника „Дюжина ножей в спину революции“ вызывали настороженность и страх издателей. Теперь они почти все опубликованы в нашей печати — в газетах и журнале „Юность“. Возобладало мнение, что литература — хотя и оружие, однако не столь мощное, чтобы сломать основы государства. И даже высказываются смелые мысли, что нам вовсе и не нужно единомыслие. А раз так, то, значит, снова пришло время Аркадия Аверченко» [42, с. 256–257].

Наконец, в конце 1991 года собкор «Правды» в Чехословакии А. С. Крушинский пришёл к философскому обобщению на страницах той же газеты, что за 70 лет до этого напечатала «Талантливую книжку». Крушинский писал, что сидит в пражской Славянской библиотеке, читает парижское издание «Дюжины...» 1921 года и дивится политической прозорливости автора: «Уже не в духе ли „Фокуса великого кино“ закрутился сейчас „всамделишный“ исторический процесс? Как и в мечтаниях Аверченко, не стало большевистских декретов на улицах Ленинграда, не стало города с таким наименованием, а Ленина словно бы выживают из страны. Сатирик, выходит, оказался пророком» [25, с. 7]. Небезынтересно и признание Крушинского о том, что о «Дюжине...» он слышал ещё в детстве от отца, собкора «Правды» в Чехословакии в 1945 году.

Итак, «время Аркадия Аверченко» пришло вместе с перестройкой. Однако о какой-то особой роли «Дюжины...» в потоке тогдашней «возвращённой литературы» говорить всё-таки не приходится. Даже публикация «Королей у себя дома», которая наконец состоялась в сборнике

Скрин первой в СССР публикации в «Юности». Источник: архив автора.

«Записки Простодушного» (М. : Книга и бизнес, 1992), никого уже не могла шокировать. СССР больше не было.

В том же 1992 году на московском букинистическом рынке появился экземпляр редчайшего первого издания «Дюжины...», 100-летие которого мы отметили в уходящем году. М. Ю. Гоголин рассказывает: «На последней странице есть штамп московского букинистического магазина и инскрипт, фиксирующий дату и цену этого сборника. Итак, книга была реализована в марте 1992 года за 25 рублей! То есть товароведы даже не осознали её уникальности и ценности и продали как рядовой сборник Аверченко. Причём, ориентируясь на его объём, поставили сравнительно скромную цену. А если память мне не изменяет, в то время даже банальные „Весёлые устрицы“¹⁰ в нормальном состоянии доходили чуть ли не до 35–40 р.» [46].

Обложка хорватского перевода 2011 года (Белград: Jugoistok).
Источник: архив автора.

Историю этого экземпляра «Дюжины...» ещё предстоит воссоздать, пока же он занимает почётное первое место в ряду дальнейших переизданий книги, о которых шла речь в данной статье. Этот ряд не скоро прервётся — книгу активно издают и в наши дни. Отметим, к примеру, перевод на хорватский язык или юбилейное издание, в котором воспроизведена «кровавая» обложка 1921 года.

Обложка юбилейного издания 2020 года (СПб. : Азбука).
Источник: архив автора.

Таким образом, представляется возможным сделать некоторые выводы:

- первое, симферопольское, издание сборника было осуществлено Русской Армией генерала П. Н. Врангеля в июне 1920 года и призвано было послужить инструментом «мягкой силы» в рядах самой армии, а также на отвоёванных территориях во время наступления в Северной Таврии; сегодня известны лишь два экземпляра из этого тиража;
- второе, парижское, переиздание призвано было формировать в среде белой эмиграции авторский имидж борца с большевизмом;

¹⁰ Юмористический сборник А. Т. Аверченко 1910 года.

- появление ленинской рецензии «Талантливая книжка» следует объяснить целым комплексом объективных и субъективных причин; в числе первых — внешнеполитический курс Советской республики в ноябре 1921 года (расшатывание и разложение белой эмиграции); вторых — давний конфликт советской власти и сатириков, спровоцировавший закрытие «Нового Сатирикона» в июле 1918 года;

- для формирования своей политической репутации в Европе Аркадий Аверченко в начале 1925 года подготовил одноимённые сборники (но с иным содержанием) для перевода на чешский и французский языки; оба вышли после его смерти и никогда не привлекали внимания исследователей;

- ленинская рецензия позволила издавать книги Аверченко в СССР как в годы нэпа (в том числе переиздавались многие фельетоны из «Дюжины...»), так и во время оттепели, когда его имя вернулось в историю литературы после длительного забвения;

- возвращение книги состоялось в 1989 году на страницах журнала «Юность», однако цензурному изъятию вплоть до распада СССР подлежал фельетон «Короли у себя дома».

Сборник «Дюжина ножей в спину революции» сыграл роковую и странную роль в судьбе Аркадия Аверченко. Благодаря ему автора печатали на Родине и благодаря ему же — не печатали. Если бы не он — судьба была бы иной, но судьбу не выбирают.

Литература

1. Аркадий Аверченко (Интервью) // Эхо. 1923. 9 января.
2. Аверченко Аркадий. Две власти (рабоче-крестьянская и золотопогонники) // Зарницы. 1921. № 14. С. 5–6.
3. Аверченко Аркадий. Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов. Иерусалим : Бумеранг, 1975. 60 с.
4. Аверченко Аркадий. Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов. Симферополь: Издательство «Таврический голос», 1920. 52 с. // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1–23.
5. Аверченко Аркадий. Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует – Аркадий Аверченко // Новый Сатирикон. 1918. № 12. С. 2–3.
6. Аверченко Аркадије. Одабране приповетке / Прев. са рус. Владан Стојановић. Београд : Освит, [1922]. 98 с.
7. Аверченко Аркадий. Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Зарницы. 1921. № 15. С. 4–5.
8. Аверченко Аркадий. Pro domo sua // Presse du Soir. 1921. 14 декабря.

9. Акимов П. Чистокровный юморист // Юность. 1989. № 8. С. 86–87.
10. Афанасьев В. «Сатириконт» и сатириконтцы // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 212–215.
11. Афиногенов А., Лузгин М., Макарьев И., Серебрянский М., Фадеев А. За ленинизм в литературе (К итогам первого производственного совещания критиков РАПП) // Правда. 1932. 3 марта.
12. Боров Ю. Б. Ленинская теория отражения и природа образного мышления // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 11–34.
13. Б...ский А. Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе (стенографический отчёт одного ночного заседания). Константинополь: Тип. Л. Бабок С-ья, 1923. 36 с.
14. Бухов Арк. Юбилей одной неприятности // Свободное слово. 1921. 12 июля.
15. Вертинский А. Н. Дорогой длиною [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «ЛитМир». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=260426&p=1> (дата обращения: 11.11.2020).
16. Виноградская С. Если подойдёт... // Огонёк. 1962. № 18. С. 7–8.
17. Воробьёв В. Рецензия В. И. Ленина «Талантливая книжка» и её истолкования // Радянське літературознавство. 1974. № 4–6. С. 211–213.
18. Гальперина Е. Л. Мятёжная жизнь Алексея Радакова. Глава III. Работа в «Сатириконт» / Публикация, вступ. статья и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4 (11). С.31–44.
19. Гальперина, Е. Л. Мятёжная жизнь Алексея Радакова. Глава III. Работа в «Сатириконт» (Окончание) / Публикация, примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2020. № 1 (12). С. 39–50.
20. Губер Борис. Библиотека сатиры и юмора. Выпуски издательства «Земля и фабрика» // Красная новь. 1926. № 1. С. 266–267.
21. Гурова Е. К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 21 с.
22. Давыдов Ю. Н. Надо мечтать! // Вопросы литературы. 1963. № 4. С. 18–37.
23. Дементьев А. Г. В. И. Ленин и советская журналистика // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 3–29.
24. Кольцов М. Человек из будущего [Электронный ресурс] // Кольцов М. Избранное. М.: Правда, 1985. URL: http://www.belousenko.com/books/russian/koltsov_izbrannoe.htm (дата обращения: 15.10.2020).

25. Крушинский А. Крутись, лента, крутись... Парадоксы и пророчества Аркадия Аверченко // Правда. 1991. 28 сентября.
26. Кузьмина О. А. Рассказы А. Т. Аверченко (Жанр. Стиль. Поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 21 с.
27. Левицкий Д. А Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 552 с.
28. Ленин и... Аверченко // Последние новости. 1921. 6 декабря.
29. Ленин... об Аркадии Аверченко // Presse du Soir. 1921. 12 декабря.
30. Ленин Н. [Ульянов В. И.]. Талантливая книжка // Правда. 1921. 22 ноября.
31. Медуза Горгона [Аверченко А. Т.]. Пауки в банке // Зарницы. 1921. № 22. С. 25–27.
32. Мещеряков Н. «Наши за границей». I. Белогвардейский юмор // Красная новь. 1921. № 1. С. 275–285.
33. Миленко В. Д. Аркадий Аверченко. М. : Молодая гвардия, 2010. 327 с.
34. Не-Буква [И. М. Василевский]. Картонный меч // Последние новости. 1921. 4 января.
35. Новицкий П. Из истории крымской печати в 1919–1920 // Печать и революция: Журнал критики и библиографии / Под ред. А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, И. И. Степанова-Скворцова. Книга 1. Май–июль. М. : Государственное изд-во, 1921. С. 54–63.
36. Разгон А. Уроки гласности // Знание – сила. 1987. № 10. С. 9–12.
37. Ремизов А. М. Взвихрённая Русь // Электронная библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/PROZA/REMIZOW/babushka.txt> (дата обращения: 23.10.2020).
38. Русская Смута устами проигравших. К 95-летию революции. Михаил Корнфельд, Олег Керенский // Радио «Свобода». «Поверх барьеров с Иваном Толстым». 20.11.2012. URL: <https://www.svoboda.org/a/24777802.html> (дата обращения: 21.09.2021).
39. Савин Иван. А. Т. Аверченко // Новые русские вести. 1925. 19 марта.
40. Слепков А. Н. Предисловие / Аверченко Аркадий. Осколки разбитого вдребезги. М.-Л.: Изд-во «Земля и фабрика», 1926. С. 3–6.
41. Смерть Аркадия Аверченко // Правда. 1925. 14 марта.
42. «Талант надо поощрять...» // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 257–269.
43. Хлебина А. Е., Миленко В. Д Аркадий Аверченко: Беженские и эмигрантские годы (1981–1925). М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 543 с.
44. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12 : Дневник (1922–1935). М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 656 с.

45. Щербакова А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 22 с.

46. Электронная переписка автора статьи с М. Ю. Гоголиным от 20.11.2020 года.

47. Электронная переписка автора статьи с заведующей Отделом литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки Н. В. Рыжак от 13.10.2018 года.

48. Arkadij Averčenko. Beseda so spisovatelem // Národní listy. Večerní vydání. 1924. 21 октября.

~